

УДК 821.111

ОБРАЗ ДОН КИХОТА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

А.А. ГЕРАСИМОВА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ)

Рассматривается образ Дон Кихота Ламанчского в контексте английской просветительской литературы. Исследуются способы внедрения и функционирования данного образа в произведения Г. Филдинга (Henry Fielding, 1707–1754) и других английских писателей эпохи Просвещения.

XVIII век вошел в историю европейской культуры как эпоха Просвещения. Одной из важнейших установок английского просветительского романа являлось создание достоверной картины мира, эффекта правдивости, не вымысленности изображаемого. Генри Филдинг стремился воплотить всю эту установку в своих произведениях, которые считаются вершиной просветительской мысли. Именно это роднит его с великими писателями эпохи Возрождения – Шекспиром, Рабле и Сервантесом.

Последнего он называл своим учителем. А значит, не подлежит сомнению, что трагический образ Ламанчского рыцаря постоянно тревожил творческое воображение юного Г. Филдинга, а великая книга Сервантеса была уже в то время одной из особенно им любимых.

Большая вероятность, что уже в конце 1720-х годов он действительно набросал несколько сцен, в которых попытался дать новый конструкт или новое оснащение образам испанского романа: о Дон Кихоте неоднократно идет речь и в его ранних пьесах. С Дон Кихотом сравнивается, например, единственный положительный герой первой комедии Генри Филдинга «Любовь под несколькими масками» – Уайзмор. Леди Мачлесс считает бессмысленными, вышедшими из моды его великодушие и неблагоразумное постоянство – качества, с ее точки зрения, более подходящие романтикам из среды странствующих рыцарей, чем людям ее века. В пьесе «Судья в своей собственной ловушке» роман Сервантеса упоминается дважды.

В уста добродетельного мистера Уорти, по мнению М. Алексеева, вложено почти меланхолическое рассуждение самого Г. Филдинга, несколько смягчающее угловатые, резкие черты изображенных им героев, наделенных навязчивыми идеями или непобедимыми страстями: «Большая часть человечества находится в том или ином заблуждении; и Дон Кихот отличается от всех остальных не сумасшествием своим, но его разновидностью: скупец и расточитель, суевер и вольнодумец, наконец политикан из кофейни – все это донкихоты, каждый в своем роде» [3, с. 142]. С Дон Кихотом сравнивает себя также Констант, попавший под арест за бескорыстное вмешательство в посторонние, как ему кажется, дела и покровительство тех, кому была нанесена обида: «Я начинаю склоняться к мнению того философа, который утверждал, что человек, желающий достигнуть собственного благополучия, должен менее всего заботиться о благополучии других. Доброта – это донкихотство, и каждая принцесса Микомикона может посадить своего освободителя в клетку» [7, с. 424].

Как свидетельствуют приведенные примеры, образ Дон Кихота в сознании Генри Филдинга имел устойчивые черты мудрого безумца, который смешон и жалок вовсе не потому, что вообразил себя легендарным героем, а потому, что он окружающую его действительность превратил в своего рода мир сумасбродных, фантастических вымыслов. Для автора Дон Кихот – прежде всего носитель высоких гуманистических идеалов, услуги которого никому не нужны и мудрые речи которого никем не могут быть поняты в их действительном, а не превратном значении. Донкихотство, с его точки зрения, – это доброта, добродетель, великодушие, постоянство, стремление заступиться за других, альтруистическое начало.

Но рассмотреть все эти качества в нашем рыцаре довольно непросто: комические черты в образе Дон Кихота проступают сильнее, заслоняя, а то и скрывая целиком изначальную природу гуманистического замысла Сервантеса. Но Генри Филдингу, невероятно талантливому драматургу, удалось понять этот замысел, проникнуть в самую его глубь и раскрыть, обрисовать во всей красе читателю.

Среди таких деятелей не может быть не замечен Лоренс Стерн, который вкладывал свое видение, понимание образа последнего рыцаря средневековья в характеры и поступки своих персонажей.

Ярким примером является семейство Шенди из известнейшего романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». По К.Н. Атаровой, «мир Шенди-Холла – игрушечное пространство, где населяющие его люди живут своими забавами и иллюзиями, ставшими для них второй реальностью. У каждого из членов семьи есть свой «конек», своя причуда. Не случайно и сама фамилия Шенди на Йоркширском диалекте означает «человек со странностями», «чудак», «без царя в голове»» [4, с. 16]. Однако несмотря на причудливость жизни обитателей Шенди-Холла, в произведении затрагиваются все важные для эпохи вопросы.

В «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» главный герой Йорик наделен чертами характера Дон Кихота: он живет в мире иллюзий, он упорно, даже демонстративно не интересуется

фактами, всё решает в своем воображении. Йорик проповедует доверие к чувству, к произвольному импульсу, непосредственному порыву. Движения сердца, по его убеждению, обыкновенно определяют его поступки. Однако Йорик в упор не видит комичности своего сентиментального поведения, своих поступков, в отличие от читателя. К.Н. Атарова отметила, что «еще в «Тристраме Шенди» Л. Стерн высказал убеждение, что рисуя характер человека, следует прежде всего изображать присущий ему «конек» – ведь именно "конек" позволяет поглубже заглянуть в душу. Господствующая страсть и есть то самое, что отмечает человеческий характер и придает ему своеобразие, – «при изображении человека я бы пропустил его лицо, но ни за что не оставил бы без внимания его конька»» [6, с. 50]. Есть свой «конек» и у Йорика – погоня за сентиментальными переживаниями, наслаждение собственной чувствительностью, способностью сопереживать страдающему лицу, но за этим всем скрывается мудрый философ, носитель определенных этических принципов, идеалов. В данном романе Л. Стерн вырывает своего героя из повседневной жизни с ее сложностями и превратностями, годами сложившимися отношениями, с ее симпатиями и антипатиями, своекорыстными заботами и тщеславными намерениями и отправляет его в путешествие, чтобы эксперимент был, как говорится, чистым. Это невероятно роднит Йорика и Дон Кихота, попавшего в Англию.

«Позднее творчество Т. Смоллета, – как утверждает К. Атарова, – также не обошло стороной роман Сервантеса: в «Приключениях графа Фердинанда Фатома» и в «Приключениях сэра Ланселота Гривза», главный герой которого – прекраснотелый одинокий «энтузиаст», современный Дон Кихот, вступил, повинаясь велению сердца, в неравную борьбу с окружающим его социальным злом» [4, с. 10].

И в творчестве О. Голдсмита нашлось место для Рыцаря печального образа. В качестве своих героев в романе «Векфильдский священник» он избрал нового английского Дон Кихота – наивного чудачков пастора Примроза. Душевная доброта, благородство и простосердечие этого славного персонажа возвышаются над подлостью Торнхила или скупостью Уилмота. По наблюдениям А. А. Елистратовой, «донкихотство почтенного векфильдского священника не сводится к мелким причудам, как, например, его «конек» – принцип единобрачия духовенства (который он ставит везде и всюду). Основа этого донкихотства в другом – в безграничной любви к людям и доверии к ним. Пастор – олицетворение подлинной человечности, трудолюбия и бескорыстия. Он показан как доверчивый и простодушный малый, имеющий твердые моральные устои, принципы, но оказывающийся беспомощным при столкновении со злом и обманом» [5, с. 315, 316].

Не оставила без внимания испанца-чудака и Шарлотта Леннокс, воплотившая его в романе «Дон Кихот в юбке, или Приключения Арабеллы». Это вызывает особый интерес, во-первых, потому что она была одной из немногих писательниц, которые ввели в женскую литературу образ славного идалго, во-вторых, потому что она, в прямом смысле этого слова, передела мужского персонажа. Этот прием уже создавал дополнительный, большой комический эффект. Хотя многие объясняли это тем, что женщины читали неподходящие тексты, пагубно влиявшие на их воображение.

В XVIII веке мода на Дон Кихота в Англии была повальной. И чаще всего этот образ использовали в сатире для политических целей. Но согласно Т. Тинни, «фигура женщины-Кихота носила другое предназначение. Она должна была проникать в сферу эмоционального и чувственного, но при этом сохранять черты характера, особенности повадок первородного Дон Кихота» [1, с. 4]. Арабелла, главная героиня романа, такой и предстает: эта девушка питает невероятную слабость к героическим романам, смотрит на жизнь сквозь романтическую призму, постоянно находится в меланхолических рассуждениях, мечтаниях, из-за этого ее речи никто не воспринимает всерьез, да и ее саму никто не воспринимает всерьез – для всех она чудачка. «Но за всем этим скрывается настоящий критик женского эгоизма и самодостаточности, выражающий это через отказ признавать свои чувства и желания. У Ш. Леннокс не было целью создать свою героиню безупречно добродетельной, или трагически склонной уступать волеизъявлению или страсти. Главное – путь превращения сумасбродной девушки в прозорливую женщину», – утверждает Т. Тинни [1, с. 6].

К 1733 году относится пьеса Г. Филдинга «Дон Кихот в Англии» – пьеса, задуманная и, вероятно, начатая еще в студенческие годы. Правда, она подверглась теперь значительной переработке – в частности, к ней дописаны были сцены, отличающиеся слишком большой остротой, чтобы их можно было считать просто веселыми или занимательными.

В предисловии к пьесе «Дон Кихот в Англии» Г. Филдинг писал, что первоначальные наброски к ней, сделанные им в 1728 году, его не удовлетворили, да и пьеса эта была им написана для самого себя, «as it would indeed have been little less than Quixotism itself to hope any other Fruits from attempting Characters wherein the inimitable Cervantes so far excelled. The Impossibility of going beyond, and the extreme Difficulty of keeping pace with him, were sufficient to infuse Despair into a very adventurous Author»¹⁶ [2, с.17].

¹⁶ «Разумеется, не чем иным как донкихотством было бы ждать других плодов от попытки воспроизвести характеры, столь блестяще обрисованные неподражаемым Сервантесом. Невозможность превзойти его и крайняя трудность идти с ним в ногу – всего этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть в отчаяние самонадеянного автора» (перевод Ю. Кагарлицкого) [6].

Г. Филдинг пытался вдохнуть дух новизны в данную пьесу, но очень скоро он убедился, что разнообразить сцены и дать своему рыцарю возможность показать себя иным образом, чем он показан в романе Сервантеса, значительно труднее, чем он предполагал. «Human Nature is everywhere the same. And the Modes and Habits of particular Nations do not change it enough, sufficiently to distinguish a Quixote in England from a Quixote in Spain»¹⁷ [2, с. 18].

«Это признание Филдинга, – полагал М. Алексеев, – чрезвычайно интересно: оно могло служить свидетельством того, что по первоначальному замыслу героем его пьесы, судя по всему, должен был быть не Ламанчский рыцарь, целиком перенесенный со страниц романа Сервантеса, каким он предстает перед нами в окончательной редакции пьесы, а родственный ему образ англичанина, человека, наделенного «донкихотскими» чертами в том их просветительском понимании, какое было свойственно Филдингу уже в эти годы. Трудность заключалась, очевидно, в том, что окружающая действительность не давала ему возможности построить подобный характер, не подсказывала ему реальных прототипов для такого образа» [3, с. 155]. Следы поисков Филдингом Дон Кихотов в английской действительности нашли свое отражение, вероятно, в вышеприведенных цитатах из ранних его комедий. Однако ни Уайзмор из «Любви под разными масками», ни капитан Констант не подходили для такой роли, как бы ни стремился автор приблизить их к образу идадьго из Ламанчи. Вероятно поэтому первоначальные наброски задуманной комедии были оставлены Г. Филдингом и пролежали спокойно в его бумагах несколько лет.

По М. Алексееву, «новизна и оригинальность замысла Филдинга заключаются именно в том, что он заставил соприкоснуться с современной ему английской действительностью подлинного героя романа Сервантеса, перенеся его в свою пьесу по возможности в неискаженном виде» [3, с. 154]. Как уже отмечалось ранее, работа над «Дон Кихотом в Англии» была начата в первый год заграничной жизни Г. Филдинга. Таким образом, драматург как будто пропустил главного героя через себя, в какой-то степени даже спроецировал.

«Дон Кихот был архаичен и для той испанской жизни, в окружении которой представил его Сервантес. Поэтому конфликт с реальностью чужой страны и другого века, в который Дон Кихот вступает в пьесе, нисколько не противостоит замыслу Сервантеса, представляется вполне оправданным и даже усиливает присущие образу Дон Кихота специфические черты» – пишет М. Алексеев [3, с. 156].

С другой стороны, сделать сторонним наблюдателем именно Дон Кихота очень выгодно, потому что во всей западноевропейской литературе бытовало убеждение, что он безумец, чудака. А значит, в уста этого ненормального можно вкладывать всё что захочется, всё равно ему это будет списано со счетов и не воспринято всерьез. Этим то и решил воспользоваться Г. Филдинг. Однако персонажи пьесы, и читатели, и зрители, и даже правительство недооценивали силу безумия в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carnell, R. Romantic Transports: Tabitha Tenney's Female Quixotism in Transatlantic Context [Electronic Resource] / R. Carnell, A.T. Hale // Cleveland State University. English Faculty Publications. – 2011. – 18. – Mode of access: https://engagedscholarship.csuohio.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1017&context=cleng_facpub. – Date of access: 07.03.2019.
2. Fielding, H. Don Quixote in England / H. Fielding. – London : J. Watts., 1734. – 94 p.
3. Алексеев, М. П. Из истории английской литературы / М. П. Алексеев. – М. : Гос. издат. худож. лит., 1960. – 502 с.
4. Атарова, К.Н. Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» / К. Н. Атарова. – М. : Высш. шк., 1988. – 96 с.
5. Елистратова, А. А. Английский роман эпохи Просвещения / А. А. Елистратова. – М. : Наука, 1966. – 472 с.
6. Филдинг, Г. «Дон Кихот в Англии» [Электронный ресурс] / Г. Филдинг; пер. с англ. Ю. Кагарлицкого. – Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/FILDING/fielding1_3.txt. – Дата доступа: 10.04.2019.
7. Филдинг, Г. Политик из кофейни, или судья в ловушке / Г. Филдинг // Избранные произведения. В 2 т. – М. : Гослитиздат, 1954. – С. 373–481.

¹⁷ «Человеческая природа всюду одинакова, а привычки и обычаи разных наций не настолько изменяют ее, чтобы Дон Кихот в Англии заметно отличался от Дон Кихота в Испании» (перевод Ю. Кагарлицкого) [6].